

УДК 101.1::316; 11.15.89

Оригинальная статья

Методологические аспекты рассмотрения феномена информационных гражданских войн в курсах социально-гуманитарных дисциплин (на примере движения сапатистов)

С. И. Чудинов

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: personally@ngs.ru*

Аннотация. Новая эра информационных войн была открыта в середине 1990-х гг. в слаборазвитом мексиканском штате Чьяпас восстанием сапатистов (Сапатистская армия национального освобождения). В статье рассматривается данное движение как уникальный случай современной информационной гражданской войны, в которой повстанческое движение сумело обратить поражение в «горячей» фазе конфликта в победу на информационном поле, тем самым продемонстрировав возможность противостояния превосходящему в физической силе репрессивному аппарату государства асимметричными средствами информационно-медийной кампании. Цель данного исследования заключается в рассмотрении феномена информационной гражданской войны сапатистов в контексте методологических аспектов интеграции исследовательского материала по данной проблеме в образовательный процесс в рамках социально-гуманитарных дисциплин, читаемых студентам, обучающимся по направлению «Информационная безопасность». В качестве примера взята дисциплина «Гуманитарные аспекты информационной безопасности» и проанализирован вопрос о том, какими методологическими путями возможна интеграция сюжета о конкретном информационном партизанском движении в теоретическую часть данного учебного курса с целью раскрытия проблематики фундаментальных (социально-онтологических и социокультурных) аспектов феномена информационных войн на современном этапе его развития. В исследовании показаны различные методологические пути интерпретативного изложения материала по сюжету противостояния сапатистов и мексиканского политического истеблишмента в информационной сфере. В частности, раскрыты возможности различных концептуальных подходов: социально-философской теории постмодернистского социума; концепции «текущей современности» З. Баумана, концепции «глобального общества риска» У. Бека и теории «информационального социума» М. Кастельса. В качестве отдельного уникального аспекта сапатистского движения рассмотрена тактика информационной гражданской войны в виде практики моделирования медийно-семиотического образа (субкоманданте Маркоса).

Ключевые слова: Национальная освободительная армия сапатистов, САНО, информационная война, информационная гражданская война, информационная безопасность, методология преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузе, «Гуманитарные аспекты информационной безопасности»

Для цитирования: Чудинов С. И. Методологические аспекты рассмотрения феномена информационных гражданских войн в курсах социально-гуманитарных дисциплин (на примере движения сапатистов) // *Профессиональное образование в современном мире*. 2021. Т. 11, № 1. С. 94–104. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-23>

Original paper

Methodological aspects of studying the phenomenon of information civil warfare in social and humanitarian disciplines (a case study of the Zapatistas movement)

S. I. Chudinov

Siberian State University of Telecommunications and Informatics
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: personally@ngs.ru

Abstract. A new era of information warfare was opened in the mid-1990s in low developed Mexican state of Chiapas with the Zapatista uprising (Zapatista Army of National Liberation). The article examines this movement as a unique case of modern information civil warfare, when the insurgent movement managed to turn defeat in the "hot" phase of the conflict into a victory in the information field, thereby demonstrating the possibility to confront the state repressive apparatus superior in physical force with asymmetric means of information and media campaign. The study objective is to consider the phenomenon of the Zapatista information civil war in the context of methodological aspects of integrating research material on this issue into the educational process within the framework of social and humanitarian disciplines taught students of the Information Security direction. The author takes the course "Humanitarian aspects of information security" as an example, and analyzes the issue about methodological ways, which make it possible to integrate a plot about a specific information guerrilla movement into the course theoretical part to reveal the problematics of fundamental (socio-ontological and socio-cultural) aspects of the information war phenomenon at its present stage development. The paper shows various methodological ways of interpreting research material on confrontation between the Zapatistas and the Mexican political establishment in the information sphere. In particular, it reveals the possibilities of various conceptual approaches: the socio-philosophical theory of postmodern society; concept of "fluid modernity" by Z. Bauman, concept of "global risk society" by U. Beck, and theory of "informational society" by M. Castells. As a separate unique aspect of the Zapatista movement, the author considers the tactics of the information civil war in the form of the practice of modeling a media-semiotic image (Subcomandante Marcos).

Keywords: Zapatista Army of National Liberation, EZLN, information warfare, information civil warfare, information security, methodology of social and humanitarian education at university, course "Humanitarian aspects of information security"

Citation: Chudinov S. I. [Methodological aspects of studying the phenomenon of information civil warfare in social and humanitarian disciplines (a case study of the Zapatistas movement)]. *Professional education in the modern world*. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 94–104. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-23>

Введение. Перечень исследований по информационным войнам довольно обширен, внимание ученых и экспертов к данной тематике за последние годы по очевидным причинам только увеличивается. При этом интерес академических и публицистических исследований практически полностью сконцентрирован на геополитических аспектах информационных войн, которые рассматриваются в контексте межгосударственных отношений и борьбы крупных государственных и транснациональных игроков на мировой политической арене [1–7]. Об информационном противоборстве, происходящем на фоне реальных конфликтов, которые раскалывают общество изнутри и в которые вовлечены различные

политические, общественные и субкультурные силы, практически невозможно найти отдельные специализированные исследования. Между тем история конца XX – двух первых десятилетий XXI в. демонстрирует довольно много уникальных и требующих серьезной аналитики случаев информационных войн, происходивших между различными субъектами внутри одного общества (между официальными государственными структурами и оппозиционными движениями; между различными политическими силами, входящими в политический истеблишмент и др.).

Одним из наиболее значимых и уникальных (в плане выбора стратегии и приемов реализации информационных атак) является пример

сапатистского движения в Мексике¹, история которого восходит к середине 1990-х гг. Многие исследователи, затрагивавшие феномен сапатизма в своих публикациях, отмечают не только ярко выраженное идеологическое и социокультурное своеобразие, но и его эпохальную роль в эволюции информационных войн. К примеру, М. Кастельс называет движение сапатистов «первым информационным партизанским движением» [8, с. 82]².

Движение сапатистов показывает довольно успешную реализацию информационной гражданской войны, которая привела лишь к незначительным политическим уступкам со стороны политического истеблишмента и череды сменявших друг друга правительств Мексики, но остановила горячую фазу конфликта и перевела его частично в сферу дипломатии, а по большей части – в информационную плоскость. Почему мы определяем данное противостояние в качестве информационной гражданской войны? Данный термин подразумевает ожесточенное противоборство различных социальных и политических групп внутри общества или государства. В. Ш. Сабилов и О. С. Соина ассоциируют информационные гражданские войны с «разными способами информационного воздействия на политических противников» и отмечают, что они «предшествуют, провоцируют и сопровождают» реальные гражданские войны [9, с. 631].

Наиболее успешным аспектом сапатистской информационной войны стало привлечение внимания широкой мировой общественности и вовлечение огромного числа неправительственных организаций (НПО), создавших солидную базу информационной поддержки. Наступление на информационном фронте борьбы привело к тому, что конфликт между повстанцами и властью в его «горячей» фазе был заморожен на долгие годы (несмотря на периодические попытки силовой зачистки региона от повстанцев и локальных вспышек насилия в отношении членов сапатистского движения и их союзников, провоцируемых властью), в ряде муниципалитетов сапатистам удалось учредить автономные органы управления и поступательно реализовывать собственные программы социального развития.

Постановка задачи. Цель данного исследования заключается в рассмотрении феномена

информационной гражданской войны сапатистов в контексте методологических аспектов интеграции исследовательского материала по данной проблеме в образовательный процесс в рамках социально-гуманитарных дисциплин, читаемых студентам, обучающимся по направлению «Информационная безопасность». В качестве примера взята дисциплина «Гуманитарные аспекты информационной безопасности» и проанализирован вопрос о том, какими методологическими путями возможна интеграция сюжета о конкретном информационном партизанском движении в теоретическую часть данного учебного курса с целью раскрытия проблематики фундаментальных (социально-онтологических и социокультурных) аспектов феномена информационных войн на современном этапе его развития.

Методология и методика исследования.

В нашем исследовании мы будем использовать метод семиотического анализа лингвотекстуальных и визуальных форм выражения коммуникативных практик и стратегии сапатистов в ходе активизации информационной войны. Помимо этого, для раскрытия ключевых элементов идеологического дискурса и политической философии сапатистского движения мы будем опираться на теоретические положения классической философской герменевтики (Х.-Г. Гадамера), в частности тезис об исторической подвижности понимания, а именно: его «включенности в свершение предания» (воспроизводства в социальной памяти исторического прошлого), «в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего» [10, с. 344–345]; установку на восприятие и исследование социокультурного явления как включения собственного горизонта исторического сознания в общий горизонт понимания, включающий ситуацию исследуемого субъекта и соотношение его с собственным настоящим, видение их в «правильных пропорциях» [10, с. 360–361]. Таким образом, мы будем следовать установке, согласно которой академическое истолкование дискурса движения, его коммуникативных практик через семиотические и текстуальные свидетельства будет покоиться на идее построения горизонта с более широкой перспективой, совмещающей историческую ситуацию прошлого с учетом опыта развития феномена информационных войн на протяжении более двух с половиной десятилетий.

Результаты

Краткие сведения об исторических истоках и особенностях информационной войны сапатистского движения

Восстание сапатистов началось 1 января 1994 г., в день вступления в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой (НАФТА), в результате

¹ Полное наименование движения – «Сапатистская армия национального освобождения» (исп. Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN). Оно включает в себе отсылку к символу мексиканской революции 1910–1917 гг. – генералу Эмилиано Сапате, тем самым символически включая движение в историческую преемственность революционной борьбы в Мексике.

² Оригинальное понятие «информационный» ниже будет рассмотрено при анализе онтологии современного социума, разработанной Кастельсом.

которого (и ранее принятых поправок к Конституции Мексики) территории, на которых проживали общины коренных народов Мексики (преимущественно народы майя), становились доступными для приватизации и эксплуатации их недр транснациональными компаниями.

В течение 12 дней длилось вооруженное восстание, которое было подавлено военными силами мексиканского правительства. От разгрома повстанческое движение спасло привлечение к этому случаю внимания широкой мировой общественности и смена тактики самих сапатистов. Не разоружившись, партизаны прибегли к методам информационно-психологического воздействия на соперника, созданию своих медиаструктур и каналов коммуникации с внешним миром с помощью активного сотрудничества с неправительственными организациями (НПО), действующими как в городах Мексики, так и в других странах. Медиатизации дела сапатистов способствовало то обстоятельство, что конфликт изначально репрезентировался как вмешательство могущественных сил мирового глобализма (в терминологии сапатистов – «неолиберального миропорядка») в автономную социальную жизнь дискриминируемых индейских общин.

Теоретик современного анархизма Д. Грзбер обратил внимание на то, что идейно-политический посыл сапатистов изначально заключал в себе далекоидущую программу демократической реорганизации общества (по модели учреждения самоуправления общин и групп на местах). Но в глазах широкой общественности, в особенности за пределами Мексики, в общественном сознании сложился образ повстанцев, ограниченный локальными этническими рамками. Им была присвоена идентичность индейцев-майя, борющихся за права своего этнокультурного меньшинства [11, с. 88].

Действительно, идейная политическая программа сапатистов выходила далеко за пределы борьбы за права коренных народов Мексики. Об этом говорит, в частности, лозунг движения, сформулированный его идейным лидером субкоманданте Маркосом (он лег в основу не только ряда программных сочинений Маркоса, но также и крупных общественных мероприятий, организованных САНО, таких как международный форум летом 1996 г.), – «За человечество и против неолиберализма»³. Кстати, упомянутое нами мероприятие стало самой масштабной акцией по привлечению сторонников САНО: в нем приняло участие более 5 тыс. делегатов из 42 стран [12, с. 31].

В медийном продвижении сапатистов приняли участие десятки мексиканских и международных

НПО и множество заметных представителей общественности, творческой интеллигенции со всего мира. В работе международных форумов и акциях сапатистов приняли участие такие личности, как нобелевские лауреаты, писатели Ж. Сарамаго и Г. Г. Маркес, американский кинорежиссер О. Стоун, социологи И. Валлерстайн и А. Турен, главный редактор французского издания «Le Monde diplomatique» Игнасио Рамоне и др.

Политические уступки, гарантированные законодательством, которые получили сапатисты от сменяющихся правительств Мексики, были ничтожными. «Соглашения Сан-Андреса» [13]⁴, ставшие рубежной точкой сдвига в процессе переговоров сторон и гарантировавшие права индейским общинам, не были реализованы и даже вскоре открыто отменены президентом Седильо. В политической игре, которая велась между повстанцами и тремя президентами в течение 7 лет, первая сторона почти ничего не получила. При Висенте Фоксе был принят закон о правах коренных народов Мексики, но в столь урезанном виде, что он фактически стал фикцией. После этого переговоры между сапатистами и правительством зашли в тупик, и первые, посчитав себя обманутыми, прекратили коммуникацию с государственными структурами и сделали ставку на одностороннюю реализацию «соглашений Сан-Андреса», то есть на самостоятельную реализацию собственных прав и требований на территории контролируемых ими муниципалитетов.

Массированная информационная кампания тем не менее привела к некоторым весомым результатам. Во-первых, она позволила вовремя остановить силовой сценарий подавления вооруженного восстания. Глобальная медиатизация движения сапатистов и их лидера субкоманданте Маркоса создала определенную гарантию предотвращения эскалации конфликта и уменьшила риски его возврата в «горячую» фазу. Во-вторых, в части районов штата Чьяпас было установлено правление революционных ячеек сапатистов, которые сделали акцент на устроении мирной жизни и реализации социальных программ развития территорий (прежде всего в области образования и здравоохранения). Более того, на протяжении всего конфликта превосходство сапатистов в информационно-медийном пространстве было явным, несмотря на попытки

³ Официально упомянутый форум назывался «Первая межконтинентальная встреча за человечество и против неолиберализма».

⁴ Официальные соглашения, заключенные между повстанцами и правительством во главе с президентом Э. Седильо 16 февраля 1996 года в поселке Сан-Андрес-Ларраинсар. В них декларировалось предоставление автономии общинам коренного населения Мексики, включая самоуправление в соответствии с принятыми в местностях обычаями, право на распоряжение природными ресурсами на своих территориях, равноправие женщин и пр.

дискредитации движения со стороны властных структур и ответные информационные атаки (к примеру, попытка разоблачения личности Маркоса).

В плане общей характеристики политико-идеологических воззрений и философии власти сапатистов следует отметить особую позицию, преодолевающую установки классических левых течений XX в⁵. Выражая крайне скептическое отношение к институционализированным политическим партиям Мексики и отвергая идею посредника между народом и властью в виде авангардной революционной партии, движение сапатистов выступило за демократию в виде прямого народоправия. В политическом дискурсе сапатистов и реальной практике самоуправления произошло соединение начал общинной демократии и принципов анти-авторитарного (анархического) левого движения. Идеал управления обществом в разъяснениях Маркоса как спикера и ведущей медийной личности сапатистов исходил из идей народной демократии и анархического идеала самоуправления институтов общества. При проведении всех информационных кампаний в противоборстве с мексиканским истеблишментом лидер движения постоянно подчеркнуто дистанцировался от любых официальных партий Мексики и революционных движений в других странах, а также традиционных (нео)марксистских интеллектуальных течений. Стоит также заметить, что информационная активность сапатистов была нерегулярной: периодически от бурных информационных кампаний сапатисты переходили к полному молчанию и периоду информационной закрытости. При этом данную особенность следует, по всей видимости, понимать в контексте их философии власти: можно предположить, что ее смысл скрывался в попытках провоцирования спонтанной активности гражданского общества снизу. В этой связи стоит привести цитату из официального заявления, сделанного командованием сапатистов во время президентских выборов в Мексике в 2000 г.: «Согласно сапатистской идее, демократия – это нечто выстраивающееся снизу и вместе со всеми, даже с теми, чей образ мысли отличен от нашего. Демократия – это осуществление людьми власти постоянно и повсеместно» [12, с. 22]. Что касается руководства сопротивлением и отправления властных полномочий на местах, сапатистами был выдвинут принцип «руководить, подчиняться», по поводу которого Валлерстайн замечает, что в нем выражен «протест против вертикализма левых, попытка обратить их к «горизонтализму» в отношениях с различными движениями» [15].

Методологические аспекты использования исследовательских материалов по сапатистам

⁵ Подробный разбор идеологических ориентиров сапатистов читатель может обнаружить в статье [14, с. 133–142].

в образовательном процессе: предварительные констатации

История сапатистского движения, его коммуникационная стратегия и методы ведения информационной войны могут представлять значительную ценность для формирования общекультурных компетенций у студентов вузов, обучающихся по техническим направлениям, но непременно сталкивающихся с курсами социально-гуманитарного цикла. Одним из таких курсов является дисциплина «Гуманитарные аспекты информационной безопасности», которая включена в учебный план по основной профессиональной образовательной программе бакалавриата по направлению 10.03.01 «Информационная безопасность».

Данная дисциплина является прекрасной возможностью гуманитаризации образования будущих технических специалистов, связанных с IT-сферой. Ее предназначение можно определить таким образом: расширить представление об информационной безопасности как о сфере, в которой не только задействованы технические устройства и люди, которые их обслуживают, но и присутствует довольно обширная область, где происходит воздействие на волю и сознание человека и интенсивное информационно-коммуникационное взаимодействие различных социальных акторов. При этом под взаимодействием предполагаются конфликтные отношения и интенции по оказанию деструктивного информационно-психологического эффекта в отношении противника (политического или геополитического соперника, экономического конкурента и пр.). Проблема обеспечения сохранности и целостности информации в тематических разделах курса «Гуманитарные аспекты информационной безопасности», таким образом, переводится из разряда чисто технической задачи по укреплению стабильности и защищенности информационной инфраструктуры (где человеческий фактор представлен лишь в виде прикладной задачи подготовки соответствующих компетентных специалистов, обслуживающих данную инфраструктуру) в рамки более широкого социокультурного контекста вопросов информационного взаимодействия и информационной безопасности. Данный контекст подразумевает антропологически фундированный мир, в котором субъектом и объектом информационных процессов выступает человек. И здесь узкоспециализированная тематика, носящая характер прикладных и технических задач, вводится в более широкий мир, в котором задача защиты информации перетекает в проблему обеспечения информационной безопасности личности (включая экзистенциально-личностные аспекты и духовные аспекты безопасности [16, с. 59–64; 17], общественной и государственной безопасности в аспекте стремительного развития

новых средств массовой коммуникации и увеличивающегося потока «больших данных» (Web 2.0, социальные медиа).

Тему информационных войн мы настоятельно рекомендуем для включения в содержание лекционных и семинарских занятий рассматриваемой нами образовательной дисциплины в качестве крайне актуальной и соединяющей в себе несколько пересекающихся областей знания – технических вопросов кибербезопасности, гуманитарных аспектов национальной безопасности в информационной сфере и деятельности СМИ, философско-антропологических и социально-философских аспектов современных манипулятивных технологий по когнитивному и ценностному «переформатированию» сознания человека и целевых социальных групп.

Сюжет о коммуникационной стратегии сапатистов в реализации информационных атак на политического соперника, конкретных результатах данной стратегии, новых методах информационных и сетевых войн – все эти вопросы могут обогатить учебный и методический материал в разделе учебного курса, посвященного теме феномена современных информационных войн (включая информационные гражданские войны). При этом данная тема предполагает довольно широкое поле для научной интерпретации и творческого подхода к изложению и аналитическому разбору данного учебного материала. Длительная кампания противостояния сапатистов и мексиканского политического истеблишмента в информационной сфере может быть осмыслена в рамках различных концептуальных подходов: социально-философской теории постмодернистского социума, концепции «текущей современности» З. Баумана или же концепции «глобального общества риска» У. Бека, теории «информационального социума» М. Кастельса. В соответствии с выбором концептуального подхода возможно развернуть различные интерпретативные линии объяснения социокультурного феномена информационной войны сапатистов. Дело в том, что в информационно-коммуникативной деятельности и стратегии данного движения присутствуют черты, соответствующие различным онтологиям, описывающим ключевые характеристики современного этапа развития социума.

Практика моделирования медийно-семиотического образа как тактика информационной гражданской войны

Довольно часто характер партизанской войны сапатистов оценивают в качестве проявления постмодернистского мировосприятия [18; 19, с. 124, 130–131]. Наиболее близка к данной интерпретации практика сапатистов по моделированию медийно-семиотических образов как один из методов ведения информационной гражданской войны. Мы имеем в виду использование образа субкоманданте Маркоса в качестве ведущего спикера и символа сапатистского

сопротивления. При этом установки, лежащие в основе данной практики, помимо чистой политической прагматики, во многом соответствовали онтологическим и аксиологическим установкам постструктуралистской концепции дискурса и теории знака (включая концепцию симулякра критика постмодернизма Ж. Бодрийяра).

Для понимания процесса моделирования образа следует прежде кратко остановиться на определении самого понятия «образ». С. С. Аванесов различает понятия облик и образ в аспекте их функциональной дифференциации «в общекультурном поле» [20, с. 15]. Если внешность или облик отсылают нас к «пространственной ориентации субъекта, обладающего способностью визуального восприятия», и означают «опознание» (фиксацию в восприятии характерных признаков), то образ описывает «коммуникативную ситуацию» и восприятие знака (в широком смысле). Более того, восприятие образа всегда подразумевает «получение сообщения» [20, с. 15]. Хотя Маркос был представлен вполне конкретным обликом с характерными внешними признаками и соответствующим ситуации антуражем, значимую коммуникативную роль в политическом и идеологическом аспектах выполнял его образ как сложный семиотический комплекс, состоящий из визуальных, вербально-текстуальных и аудиальных аспектов репрезентации целостной личности. При этом данный образ был искусственно конструируемым и моделируемым и, несмотря на наличие референта в социальной реальности, во многих аспектах носил виртуализированный характер.

Почему практика моделирования медийно-семиотического образа лидера сапатистов, как мы заметили ранее, во многом соответствует постмодернистской парадигме восприятия социальной реальности?

Во-первых, рассматриваемый нами конструируемый образ носил гибридный и многослойный характер, выражающий его включенность в разнообразные культурные контексты. «Маркос» имеет несколько семантических слоев. К ним относятся репрезентации следующих порядков: идентичности угнетенных коренных народов Латинской Америки (и конкретно – майя и других коренных этнических групп Чьяпаса); фигуры современного антиавторитарного революционера (представителя обновленного левого движения, вышедшего за рамки (нео)марксизма и традиционной латиноамериканской герильи) и символа альтерглобализма (ориентированного на противостояние глобализации по неолиберальной модели). Он сочетает в себе как локальное, так и глобальное; как аутентично-этническое, так и универсально-гражданское начала (в смысле солидарности со всеми обычными гражданами своих государств, ставшими жертвами

экономической и культурно-идеологической агрессии «нового мирового порядка»). В нем находят свое выражение интересы как социально-культурного большинства (в масштабе мексиканского штата), так и меньшинства (настойчиво декларируемая идентификация со всеми миноритарными дискредитируемыми группами, включая секс-меньшинства, что представляет собой очевидную инкорпорацию элементов идеологии толерантности).

В Маркосе также был заложен смысл персонификации угнетаемого народа и анонимной массы людей «без лиц», или же с «лицами цвета земли». Данные лингвопоэтические конструкции находят свое визуально-семиотическое выражение во флаге сапатистов, который представляет собой полотно черного цвета (того же «цвета земли») с красной пятиконечной звездой – традиционным символом левацких движений. Земля и черный цвет, представляющие собой сопряженные знаки, не только отсылают нас к значениям неперсонифицированной, а значит, целостной массы равных людей, но также указывают на естественную привязанность и духовную связь с территорией проживания, которая воспринимается как родина, а не как однородное и безликое пространство или вместилище ресурсов. Другой визуальный знак, входящий в данный семиотический комплекс (выражающий данные взаимоувязанные смыслы), точнее назвать визуально-эстетическим символом – это *пасамонтаньяс*, или черная маска, закрывающая лицо. Он связывает образ революционера с политическим идеалом и служит не только прагматическим задачам выживания в условиях военно-политического конфликта, но также и знаком-указанием на неразрывную связь с органическим и единым племенным сообществом, «растворенности» эго и любого представителя движения в разнородной, но внутренне самосогласующейся социальной целостности.

Во-вторых, медийный образ Маркоса носит черты семиотического комплекса, в котором онтологический статус персонажа и граница между воображаемым и реальным сознательно размыты (для стороннего наблюдателя). При этом реальный человек, скрывающийся за маской и дающий интервью (кем бы он ни был на тот момент), откровенно отделял свою личность от конструируемого образа нового революционера. В одном из интервью субкоманданте открыто признавался: «Я думаю, что Маркос, в смысле, этот персонаж, до сих пор мог быть полезным для общин инструментом, и он был нужен им для того, чтобы выражать свои проблемы и продолжать этот сложный переход, в который превратилась война 1994 года. Вопрос, который нужно было бы задать о Маркосе: сможет ли он оставаться таким инструментом, и на протяжении какого времени еще, или же уже подошел момент, когда он должен умереть. Не умереть физически, а умереть как персонаж» [12, с. 40].

Введя впервые данный образ в информационно-публичное обращение, его создатель вступал в своеобразную игру и гибко модифицировал образ под текущие политические и информационно-коммуникативные задачи. Более того, сам носитель образа в конце концов признался, что образ имеет симулякральный характер (Маркос – не более, чем «голограмма» [21]). Таким образом, размытость границы между реальностью и искусственно конструируемым медийно-художественным образом (создаваемым не только визуально-семиотическими средствами, но также и в значительной степени с помощью художественного слова) предназначена для зрителя создаваемого политического «перформанса», но не для самого субъекта. Последовательно семиотически конструируемый медийный образ заставлял вступить в своеобразную игру политическому противнику по заранее навязанным правилам, проигрыш в которой равнозначен политическому и репутационному банкротству.

Как показывает история сапатистского движения, образ революционного лидера был весьма гибок и подвергался как семиотическому конструированию, так и модификации и даже деконструированию⁶ (в смысле его символического развоплощения и ухода в информационное небытие), в зависимости от обстоятельств и текущих задач информационной войны. В официальном послании сапатистов от имени субкоманданте весной 2014 г. было объявлено о «прекращении существования» Маркоса [21]. В этой декларации заключался элемент очередной игры и модификации образа, поскольку одновременно было объявлено о «рождении» субкоманданте Галеано, названного в честь «боевого имени» погибшего от рук парамилитарес⁷ учителя сапатистской школы. Хотя символическая смена имени предполагала возможную линию развития медийно-семиотического образа в виде дальнейшей «жизни» модифицированного персонажа (Галеано) в информационно-коммуникационном пространстве, фактически она манифестировала собой уход моделируемого образа в информационное небытие и отказ от данной практики информационного противоборства. Более того, в послании была представлена последовательная и тотальная деконструкция образа Маркоса: в нем разъяснено, что этот образ изначально был искусственным и коллективным (в создании его участвовал не один

⁶ В данный термин не вкладываются коннотации, роднящие его с концептом «деконструкции» Ж. Делеза, поскольку последняя описывает процесс интерпретации текста, тогда как «деконструирование» в данном случае означает коммуникативную практику и процесс информационного развоплощения целенаправленно созданного образа.

⁷ Боевики-наемники правой ориентации, действующие в интересах власти имущих.

реальный человек), его моделирование было целенаправленной коммуникативной стратегией и уловкой в информационной войне, и на данном этапе развития сапатистского движения «Маркос как персонаж перестал быть необходимым» [21].

«Текущность» сапатистского движения, глобальные риски и формирование «глобальной общественности»

Помимо корреляции характерных черт практики сапатистов по ведению информационной гражданской войны с постмодернистскими тенденциями в развитии все более медиатизирующейся и виртуализирующейся реальности [22] глобального социума середины 1990-х гг., следует отметить возможность теоретико-философского осмысления данного социокультурного явления в рамках теории «текущей современности» Баумана [23]. Привлечение данной концептуальной рамки может сформировать иную методологическую линию изложения и интерпретации материала по сапатистам в учебном процессе. Акцент в таком случае будет поставлен на переходе (в условиях позднего модерна) социальных институтов из «твердых» к «текучим», неустойчивым и самоорганизующимся формам, а также стремительном и спонтанном формировании единого коммуникационного пространства на глобальном уровне.

Формы самоорганизации в сфере как местного самоуправления, так и подготовки сопротивления у сапатистов отражают смесь общинных племенных традиций с крайне гибкими и подстраивающимися под изменяющуюся обстановку формами коммуникации с внешним миром и моделирования медийно-семиотических образов. Сапатисты не раз меняли свои формы самоорганизации (от военизированных отрядов до «центров гражданского и мирного сопротивления» под названием Агуаскальентес [12, с. 133], которые позднее были превращены в так называемые улитки [12, с. 401–402]) и информационно-коммуникационного взаимодействия с действующими и потенциальными партнерами в среде НПО, общественных организаций и гражданского общества, симпатизирующей движению европейской и американской творческой интеллигенции.

Если обращаться к концепции У. Бека, которая не теряет своей актуальности, поскольку объясняет рискологическую сторону развертывания глобального социума и перспектив мировой цивилизации, современность позднего модерна переходит в стадию глобального общества риска [24; 25]. Последний термин фиксирует крайнюю нестабильность формирующегося социального и политического мира, все более тесную взаимосвязь глобального и локального, что в свою очередь порождает новый тип рисков – непредсказуемых, некалькулируемых, имеющих высокий деструктивный потенциал и глобальных по своим масштабам.

Бек подчеркивает, что транснациональные медиа, телекоммуникационные сети и глобальные риски (как экологического, так и социального характера) приводят к феномену «рефлексивной космополитизации» [25, с. 49]. Последнее означает создание «глобальной общественности» при широкой медиатизации какой-либо фундаментальной проблемы. Уточняя значение космополитизации, он определяет ее как «этико-политического посредника социальной трансформации, основанной на принципе глобальной открытости» [25, с. 49]. Таким образом, он рассматривает ее скорее как проект и образец, нежели чем уже достигнутое состояние.

Движение сапатистов и их коммуникационная стратегия одной из своих черт довольно точно вписываются в концептуальную схему Бека, поскольку во всей истории его становления и развития можно проследить формирование «глобальной общественности» в виде как минимум коммуникационного и морально солидарного с сапатистами единства. К тому же в данном примере информационных войн локальная проблема была тесно увязана с непредсказуемыми глобальными социальными и политическими рисками. Также он показывает возросшее значение независимых масс-медиа и новых средств коммуникации уже в середине 1990-х гг. Медийный взрыв, связанный с популяризацией борьбы сапатистов, был абсолютно неожиданным и демонстрирует внезапно обнаружившуюся готовность общественных организаций и гражданского общества совершенно различных государств оказать поддержку, казалось бы, маргинальному протесту в отдаленном мексиканском штате.

Сетевые аспекты организации информационной герильи

Еще одна влиятельная социальная теория, по-своему задающая базовые онтологические параметры глобального социума конца XX – начала XXI в., принадлежит М. Кастельсу. Ее интеграция в состав учебных материалов для изучения сюжета по информационной войне сапатистов может вывести на проблематику сети как модели структурирования социальных институтов и движений в эпоху постсовременности и информационного общества.

В одной из своих публикаций, ранее нами процитированных, Кастельс напрямую вводит социальный феномен сапатистов в концептуальное поле своей теории «информационального социума».

Последняя предполагает, во-первых, что современное общество построено на процессах генерирования, обработки и передачи информации (знаний) как «фундаментальных источниках производительности и власти», и, во-вторых, наличие «сетевой логики его базовой структуры». Получается, что информационное общество в основе своей сетевое общество, что «создано сетями производства,

власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» [26, с. 505]. Таким образом, в понятии информационного общества заключены в свернутом виде такие фундаментальные тенденции развития современного (глобального) социума, как превращение информации в базовый ресурс экономики и управления обществом, повсеместное распространение сетевых структур, виртуализация различных социальных сфер.

Действительно, в движении сапатистов мы можем обнаружить некоторые проявления всех перечисленных тенденций, что демонстрирует включение даже во многом изолированных от мира регионов в глобальные процессы перераспределения ресурсов и экспансии транснациональных экономических и политических сетей. Восстание сапатистов в условиях крайней асимметрии военно-силового потенциала довольно быстро было переведено в фазу затяжной информационной войны. При этом одной из наиболее значимых черт данного движения, зафиксированных и описанных Кастельсом, является сетевой аспект его организации и выстраивания информационно-коммуникационных связей с социальной базой поддержки. Более подробное рассмотрение развертывания сетевого принципа в деятельности и организации сапатистов мы можем обнаружить в другом исследовании, принадлежащем ведущим аналитикам RAND.

В своей монографии Дж. Аркилла и Д. Ронфельд [27] классифицируют сопротивление сапатистов в качестве «сетевой войны», в основу которой были положены «роевые сети» (swarm networks). Их особенностью является массовая координация и объединение усилий множества НПО, которые имеют различные интересы, но при этом создают «коллективное разнообразие» и «координируемую анархию» [27, с. 193]. Такое коммуникационно-социальное образование обладает крайней гибкостью в выборе узловых точек системы, в которые могут быть нацелены удары информационных атак. Как говорят исследователи, «любая проблема может быть быстро выделена» (из широкого спектра проблем) и «атакована, по крайней мере, некоторыми элементами роя» [27, с. 193]. Такое коллективное образование способно к более гибкой адаптации по сравнению с более привычной иерархической организацией, его «невозможно обезглавить», поскольку оно «многоголовое»: несмотря на то что некоторые из НПО могут быть более активны и влиятельны, чем другие, у него не имеется явных руководящих центров [27, с. 193].

Соавторы выделяют три принципа, которые позволили сапатистам заставить эффективно функционировать транснациональные НПО в их «социальной сетевой войне». Первый принцип связан с превращением гражданского общества в передний

фронт и работой над построением «глобального гражданского общества» в связке с локальными НПО. Второй принцип – это превращение «информации» и «информационных операций» в ключевое оружие, что выражено в «требованиях свободы доступа и информации», привлечении внимания СМИ и использовании всевозможных информационных и коммуникационных технологий. Третий принцип – сознательное и последовательное превращение способа организации в виде «роения» «в отдельную цель» и «возможность сокрушения правительства или другого целевого актора» [27, с. 193–194].

Таким образом, исследование аналитиков RAND, дополняющее и детализирующее тезис Кастельса, показывает, что сетевой принцип получил довольно полное раскрытие в движении сапатистов в его различных социально-организационных аспектах и коммуникативных практиках.

Выводы. Движение сапатистов открыло собой новую эру информационных войн и эволюции повстанческих движений от традиционных форм партизанского вооруженного противостояния авторитарным режимам к информационным гражданским войнам. Социально-онтологические предпосылки методов ведения такой формы информационных войн предполагают развитие сетевых форм организации социальных и коммуникационных связей между различными подразделениями движения и активистами гражданского общества, морально и информационно поддерживающего борьбу «информационных партизан»; довольно глубокую медиатизацию и виртуализацию социальной реальности глобального социума, несмотря на неравномерную охваченность данным процессом различных регионов (скажем, штат Чьяпас явно не относится к передовым частям света в развитии медийных и информационно-коммуникационных технологий); смешение глобальных и локальных социальных процессов, их прогрессирующую рискогенность и турбулентность как атрибутивных характеристик.

Материалы, выводы и опыт концептуального осмысления движения сапатистов могут быть весьма актуальны и эвристически полезны в разборе темы современных информационных (гражданских) войн в рамках учебного курса «Гуманитарные аспекты информационной безопасности», поскольку именно такие исторические сюжеты способны стимулировать гуманитаризацию технического образования и расширить понятие информационной безопасности и научно-профессиональную картину будущего специалиста ИТ-сферы путем введения антропологического и социокультурного факторов информационных процессов. К примеру, практика моделирования медийных образов в ходе информационного противоборства сапатистов может быть весьма удачным примером в образовательном процессе

для объяснения эволюции информационных войн на рубеже XX–XXI вв., в частности, демонстрации перехода от практики конструирования «жестких» или стабильных медийно-семиотических структур с целью персонализации какого-либо политического

движения (свойственных для эпохи модерна) к гибким и «текучим» медийным образам эпохи постсовременности, настраиваемым и модифицируемым в довольно широком семиотическом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Libicki M. C. *What is Information Warfare?* Washington : Nat. Defense Univ., 1996. 104 p.
2. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. Москва : Поколение, 2006. 560 с.
3. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. Санкт-Петербург : Питер, 2010. 256 с.
4. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. Москва : Горячая линия Телеком, 2012. 542 с.
5. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000. 576 с.
6. Почепцов Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. Москва : Европа, 2005. 532 с.
7. Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства. Москва : Горячая линия Телеком, 2006. 192 с.
8. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Vol. 2. *The power of identity*. Malden : Blackwell, 1997. 461 p.
9. Сабиров В. Ш., Соина О. С. Информационные гражданские войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов : сб. тр. Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 26-27 апр. 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 631–641.
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. Москва : Прогресс, 1988. 704 с.
11. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. Москва : Радикал. Теория и Практика, 2014. 172 с.
12. Маркос, субкоманданте. Четвертая мировая война. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. 694 с.
13. Commitments for Chiapas by the state and federal governments and the EZLN under paragraph 1.3 of the rules of procedure // United Nations Peacemaker. URL: <https://peacemaker.un.org/> (дата обращения: 10.12.2020).
14. Морозов И. Л. Попытка адаптации леворадикальной идеологии к реалиям современного мира: опыт сапатизма // Полис. 2006. № 5. С. 129–143. DOI: 10.17976/jpps/2006.05.09.
15. Валлерстайн И. Чего добились сапатисты? // Скепсис : науч.-просветит. журн. URL: https://scepsis.net/library/id_1749.html (дата обращения: 10.12.2020).
16. Чудинов С. И., Щекотин Е. В. Турбулентный социум и концепция безопасности: социально-философские аспекты. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 159 с.
17. Чудинов С. И. «Общество риска» и духовные аспекты безопасности личности в социально-философском ракурсе // Образование и духовная безопасность. Уфа, 2019. Вып. № 1. С. 36–40.
18. Nail T. *Returning to revolution: Deleuze, Guattari and Zapatismo*. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2012. 216 p.
19. Томин Л. В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. 172 с.
20. Аванесов С. С. Визуальность и коммуникация // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2014. Вып. 2. С. 11–25. URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2014&issue=2&article_id=4022 (дата обращения: 10.12.2020).
21. Маркос, субкоманданте. Между светом и тенью. Май 2014 // Скепсис : науч.-просветит. журн. URL: https://scepsis.net/library/id_3579.html (дата обращения: 05.12.2020).
22. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Санкт-Петербург : Петерб. востоковедение, 2000. 96 с.
23. Бауман З. *Текущая современность*. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с.
24. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва : Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
25. Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2012. № 5. С. 35–52.
26. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Москва : Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
27. *Networks and networks: the future of terror, crime and militancy* / eds.: J. Arquilla, D. Ronfeldt. Washington : RAND, 2001. 375 p.

REFERENCES

1. Libicki M. C. *What is Information Warfare?* Washington, Nat. Defense Univ., 1996, 104 p.
2. Panarin I. N. *Information warfare and geopolitics*. Moscow, Generation, 2006, 560 p. (In Russ.).
3. Panarin I. N. *The first world information war. Collapse of the USSR*. Saint Petersburg, Piter, 2010, 256 p. (In Russ.).
4. Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *State information politics in the context of information and psychological warfare*. Moscow, Hot Line Telekom, 2012, 542 p. (In Russ.).
5. Pocheptsov G. G. *Information wars*. Moscow, Refl-book, Kiev, Vakler, 2000, 576 p. (In Russ.).

6. Pocheptsov G. G. *Revolution.com. Fundamentals of the protest technology*. Moscow, Europe, 2005, 532 p. (In Russ.).
7. Vorontsova L. V., Frolov D. B. *History and modernity of information warfare*. Moscow, Hot Line Telekom, 192 p. (In Russ.).
8. Castells M. *The information age: economy, society and culture. Vol. 2. The Power of Identity*. Malden, Blackwell, 1997, 461 p.
9. Sabirov V. Sh., Soina O. S. Information civil wars. *Information wars as a struggle of geopolitical opponents, civilizations and various ethos: proc. of All-Russ. sci. conf. (Novosibirsk, 26-27 Apr., 2018)*. Novosibirsk, 2018, pp. 631–641. (In Russ.).
10. Gadamer H.-G. *Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics*. Moscow, Progress, 1988, 704 p. (In Russ.).
11. Graeber D. *Fragments of an anarchist anthropology*. Moscow, Radical. Theory and Practice, 2014, 172 p. (In Russ.).
12. Marcos, Subcomandante. *The fourth world war*. Ekaterinburg, Ultra. Culture, 2005, 694 p. (In Russ.).
13. Commitments for Chiapas by the State and Federal Governments and the EZLN under paragraph 1.3 of the rules of procedure. *United Nations Peacemaker*. URL: <https://peacemaker.un.org/> (accessed 10.12.2020).
14. Morozov I. L. An attempt to adapt the left-wing radical ideology to the realities of the modern world: experience of Zapatism. *Polis*, 2006, no. 5, pp. 129–143. DOI: 10.17976/jpps/2006.05.09. (In Russ.).
15. Wallerstein I. What have the Zapatistas accomplished? *Scepsis. Magazine of science and social criticism*. URL: https://scepsis.net/library/id_1749.html (accessed 10.12.2020). (In Russ.).
16. Chudinov S. I., Shchekotin E. V. *Turbulent society and the security concept: social and philosophical aspects*. Novosibirsk, NSTU Publ., 2018, 159 p. (In Russ.).
17. Chudinov S. I. Spiritual security of the personality in a risk society. *Education and spiritual security*. Ufa, 2019, iss. 1, pp. 36–40. (In Russ.).
18. Nail T. *Returning to revolution: Deleuze, Guattari and Zapatismo*. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2012, 216 p.
19. Tomin L. V. *Contemporary political conflicts: a post-structuralist analysis*, Saint-Petersburg, SPbUHTU, 2014, 172 p. (In Russ.).
20. Avanesov S. Visuality and communication. *PRAXEMA. Journal of visual semiotics*, 2014, vol. 2, pp. 11–25. URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2014&issue=2&article_id=4022 (accessed 10.12.2020). (In Russ.).
21. Marcos, Subcomandante. Between light and darkness. May 2014 *Scepsis. Magazine of Science and Social Criticism*. URL: https://scepsis.net/library/id_3579.html (accessed 05.12.2020). (In Russ.).
22. Ivanov D. V. *Virtualization of society*. Saint Petersburg, Peterb. Orient Studies, 2000, 96 p. (In Russ.).
23. Bauman Z. *Fluid modernity*. Saint Petersburg, Piter, 2008, 240 p. (In Russ.).
24. Beck U. *Risk society. Towards a new modernity*. Moscow, Progress-tradition, 2000, 381 p. (In Russ.).
25. Beck U. Living in a world risk society - how to deal with it: a cosmopolitan shift. *Bulletin of Moscow State University, Series 12, Political science*, 2012, no. 5, pp. 35–52. (In Russ.).
26. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Moscow, High School of Economics Publ., 2000, 608 p. (In Russ.).
27. Arquilla J., Ronfeldt D. (eds). *Networks and networks: the future of terror, crime and militancy*. Washington, RAND, 2001, 375 p.

Информация об авторе

Чудинов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Кирова, 86, e-mail: personally@ngs.ru).

Статья поступила в редакцию 19.01.21

После доработки 19.01.21

Принята к публикации 22.01.21

Information about the author

Sergey I. Chudinov – Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and History, Siberian State University of Telecommunications and Information Science (86 Kirov str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation, e-mail: personally@ngs.ru).

The paper was submitted 19.01.21

Received after reworking 19.01.21

Accepted for publication 22.01.21